Е.В. Бурлуцкая*

Детская досуговая повседневность в общественном пространстве пореформенного Оренбурга по материалам оренбургской прессы (вторая половина XIX – начало XX века)

doi:10.31518/2618-9100-2021-1-8

УДК 94(47):379.8-053.2(470.56-89)

Выходные данные для цитирования:

Бурлуцкая Е.В. Детская досуговая повседневность в общественном пространстве пореформенного Оренбурга по материалам оренбургской прессы (вторая половина XIX – начало XX века) // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 83–95. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-08.pdf

E.V. Burlutskaya*

Leisure in Children's Daily Life in the Public Space of Post-Reform Orenburg Based on the Materials of the Orenburg Press (the Second Half of the 19th – Early 20th Century)

doi:10.31518/2618-9100-2021-1-8

How to cite:

Burlutskaya E.V. Leisure in Children's Daily Life in the Public Space of Post-Reform Orenburg Based on the Materials of the Orenburg Press (the Second Half of the 19th – Early 20th Century) // Historical Courier, 2021, No. 1 (15), pp. 83–95. [Available online:] http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-08.pdf

Abstract. Based on a wide range of published sources, the article highlights the problem of organizing children's leisure in the public space of Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries. Newspaper publications, memoirs, fiction are used in the article to reveal the diversity of forms of leisure and their main functions in relation to urban children. The article presents the testimonies of contemporaries and eyewitnesses, which allow us to identify the domestic, behavioral and psychological components of leisure in children's everyday life during the post-reform era. The sources used in the article allow us to state that in the consciousness of the provincial society at the end of the 19th century, childhood was recognized as a special period in the life of a person which played a fundamental role in the formation of personal qualities necessary in adult life. It is established that different forms of leisure were available to various categories of children, and they were determined by the prevailing ideas about childhood in society in general and specific tasks for learning, upbringing and development in different social groups. Educational maxims were the main content of all leisure activities. The article analyzes various forms of children's leisure activities outside the home, such as balls and dance evenings, Christmas celebrations, trips to the circus and zoo, walks, and sports. Children's leisure activities organized in post-reform Orenburg are compared with the forms of children's leisure in other provincial and capital cities of the Russian Empire. The leisure of children from the upper and middle urban classes is compared with the leisure of children of the urban lower classes with specific examples.

Keywords: daily life; city; public space; children; leisure; press.

The article has been received by the editor on 15.12.2020.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе широкого круга опубликованных источников освещается проблема организации детского досуга в условиях общественного пространства Оренбурга во второй половине XIX – начале XX в. На основе газетных публикаций, мемуаров, художественной литературы выявляется многообразие досуговых форм и их ведущие функции в отношении детской части городского населения. Приводятся свидетельства современников

* **Бурлуцкая Елена Вадимовна,** доктор исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, e-mail: ida777@yandex.ru

Burlutskaya Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, e-mail: ida777@yandex.ru

и очевидцев, позволяющие уточнить бытовую, поведенческую и психологическую составляющие детской досуговой повседневности в пореформенную эпоху. Используемые источники позволяют констатировать выделение в сознании провинциального социума в конце XIX в. детства в качестве особого периода в жизни человека, играющего основополагающую роль в процессе формирования личностных качеств, необходимых во взрослой жизни. Выявлено, что различные формы досуга, предлагаемые разным категориям детей, зависели как от господствующих общественных представлений о детстве в целом, так и от конкретных задач в отношении обучения, воспитания и развития подрастающего поколения отдельных социальных групп. Основным содержанием любых досуговых мероприятий были воспитательные сентенции. В статье подвергаются анализу такие варианты внедомашнего детского досуга, как балы и танцевальные вечера, елки, походы в цирк и зоопарк, прогулки, занятия спортом. Проводится сравнение детского досуга, организуемого в пореформенном Оренбурге, с формами детского досуга в других провинциальных и столичных городах Российской империи. На отдельных примерах досуг детей из высших и средних городских сословий сопоставляется с досугом детей городских низов.

Ключевые слова: повседневность; город; общественное пространство; дети; досуг; пресса.

Досуг как одна из сфер повседневности стал объектом научного изучения относительно недавно, по сравнению с повседневностью семейной или трудовой. Многие исследователи и по сию пору считают, что досуг не может быть включен в сферу повседневного, поскольку не обладает такими характеристиками, как будничность, рутинность, обычность.

Детская же повседневность представляет собой практически неизученную область повседневного, хотя ее анализ представляется весьма важным как с теоретической, так и с практической позиций. Теоретическая значимость подобных исследований становится очевидной при создании обобщающих трудов о детях и детстве на разных этапах исторического развития. Связь между трансформацией форм детского досуга и эволюцией российского общества позволяет гораздо глубже понять цели и ценности, которые социум аккумулировал и транслировал на каждом из этапов своего существования, поскольку детство представляло собой время «врастания» ребенка в сложившуюся культуру общества (Л.С. Выготский). Практическая же значимость заключается в использовании известных ранее детских досуговых практик в современных воспитательном и образовательном процессах.

Детский досуг, как нам видится, во все времена выполнял довольно четко определенный, но ограниченный набор функций. Во-первых, это была функция, если так можно выразиться, образовательная – дети в игровой форме усваивали необходимые представления об окружающей реальности. Как подчеркивают в своей статье В.Т. Кудрявцев и Г.К. Уразалиева, прежде чем овладеть набором профессионально-специализированных знаний, умений и навыков, «ребенок должен освоить систему общечеловеческих, родовых, исторически непреходящих способностей. Общие способы действий с вещами и построения чувственной картины мира, универсальные формы мышления и нравственного отношения к себе подобному…»[1].

Другой важной функцией была функция воспитательная – дети через игру принимали социальные нормы, общественные ценности, представления о морали, знакомились с обычаями. Как отмечает в своей статье М.В. Крулехт, «Ценностное отношение к окружающему миру как совокупность сложившихся у ребенка представлений и предпочтений, результата отражения и осмысления явлений внешнего мира, эмоционально

[1] *Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К.* Культурно-образовательный статус детства // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 65.

окрашенных личностным принятием их ценности, важности, значимости для личности»[2], определял характер детского поведения.

Развивающая функция позволяла ребенку отработать навыки действий, эмоциональных реакций и мышления, необходимых во взрослой жизни – в трудовых и семейных практиках, обрядах, – способствовала физическому, интеллектуальному и эмоциональному развитию. Коммуникативная функция помогала осуществить процесс социализации через взаимодействие ребенка с другими людьми, сравнение его с другими – детьми и взрослыми, выработать самооценку. Развлекательная функция досуга позволяла использовать его в качестве средства «отвлечения» ребенка от негативных эмоций или событий, либо как меру поощрения за хорошее поведение.

Такие функции детского досуга, как рекреационная и творческая, выделяемые в современной педагогике, как нам кажется, представляют собой, скорее, явления последнего столетия. В более ранние эпохи, отличающиеся прагматизмом и рациональностью, в силу относительной краткости человеческой жизни, «отвлекаться» на творчество или «снятие стресса» было слишком большим расточительством.

Таким образом, в рамках статьи речь пойдет о детском досуге, выполняющем образовательную, воспитательную, развивающую, коммуникативную и развлекательную функции. Различные формы досуга, систематизированные по принципу сезонности, будут проанализированы через предметно-бытовую, поведенческую и психоэмоциональную составляющие детской повседневности.

Российская педагогика второй половины XIX – начала XX в., прочно стоявшая на защите государственных интересов, была призвана поставить под контроль процесс детского взросления, в ходе которого из ребенка должен был постепенно сформироваться добропорядочный гражданин. В связи с решением данной задачи «детскому миру» (К.Д. Ушинский) стали уделять весьма пристальное внимание на всех уровнях социума (в семье, в образовательных учреждениях, в общественных объединениях), стремясь упорядочить не только процессы школьного и внешкольного обучения, но и свободное время ребенка.

Можно говорить о том, что на рубеже XIX–XX вв. сложилась «культура досуга», в т.ч. и детского, включающая в себя формирование «осмысленной необходимости рационально использовать свое свободное время; активного стремления духовно насыщать и интенсивно строить свой досуг; умений и навыков планировать и организовывать свое свободное время»[3]. Желание передовой общественности познакомить с практикой складывания такой осмысленной и целенаправленной досуговой культуры максимально широкие слои социума обусловливало широкое освещение этих новых способов времяпрепровождения в прессе. Как отмечала в своей работе О.Н. Яхно, «репортажи, заметки, публицистические статьи, фельетоны, реклама […] позволяют получить адекватное представление о том, как менялись предпочтения в досуговой сфере, чем они были вызваны, как на практике новые веяния реализовывались в повседневной жизни»[4]. Именно поэтому в рамках данной статьи детский досуг будет освещаться на материалах преимущественно оренбургской прессы рубежа XIX–XX вв.

В отношении научной разработанности обозначенной темы можно утверждать, что научных публикаций, посвященных именно детской досуговой повседневности в России конца XIX – начала XX в., насчитываются единицы. Примером может служить статья И.И. Колосовой и О.В. Губиной[5], в которой речь идет о вкладе томского купечества в орга-

[2] *Крулехт М.В.* Педагогический потенциал детского досуга в воспитании человека культуры // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 291.

[3] *Ариарский М.А.* Культура досуга как предмет педагогики и прикладной культурологии // Педагогические и рекреационные технологии в современной индустрии досуга: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Киев, 4–6 июня 2004 г.). URL: http://tourlib.net/statti_tourism/ariarskij.htm (дата обращения: 10.12.2020).

[4] *Яхно О.Н.* Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 74.

[5] *Колосова И.И., Губина О.В.* Вклад томского купечества в развитие общественных пространств для досуга детей // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: мат-лы третьей Всерос. науч. конф. Томск, 2019. С. 70–79.

низацию детского досуга. А.Б. Лярский реконструировал детскую повседневность (в т.ч. и предписанную досуговую) российских столиц, анализируя наполнение календарей для учащихся[6]. М. Костюхина в книге «Детский оракул. По страницам настольно-печатных книг»[7] (М., 2013) исследовала развлекательную, образовательную и воспитательную функции настольных игр, распространенных в России в XVIII–XX вв., а в монографии «Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века»[8] (М., 2017) был изучен предметно-вещевой игровой мир девочек-дворянок.

Отдельные аспекты поставленной проблемы анализируются в работах Т.А. Кискидосовой[9], О.Н. Яхно[10], Г.А. Андриец[11], посвященных досугу горожан в целом, или конкретных категорий населения, например купечества в работах И.В. Масловой[12].

Таким образом, досуговая сфера повседневности детей в Российской империи может быть обозначена как наименее исследованная в историческом плане проблема. Для российской провинции это обстоятельство представляется еще более выраженным. Следовательно, обращение к данной проблеме в рамках статьи представляется актуальным, научно обоснованным и теоретически значимым.

Детская внедомашняя досуговая повседневность была довольно тесно привязана к годовым сезонам. А зимние праздники от Рождества до Нового года были, пожалуй, самыми насыщенными в плане разнообразия форм детского досуга.

На первом месте, конечно, стояли елки и всевозможные увеселения, приуроченные к зимним торжествам. Детские праздники проводились и в форме дневных, и в форме вечерних, более торжественных собраний. О подобных мероприятиях писала в своей статье Т.А. Кискидосова: «Между Рождеством и Новым годом для детей проводились специальные праздники – «елки». Обычно они устраивались меценатами с благотворительными целями, для детей из бедных семей были подготовлены подарки. […] Как правило, на детских праздниках устраивали концерт, маскарад и чаепитие, детям дарили подарки и конфеты»[13].

Формат проведения праздника зависел, в первую очередь, от организаторов, а также от характера «базового» заведения, в котором проводился праздник. Так, в женской воскресной школе 27 декабря 1898 г. «был устроен взамен рождественской елки праздник в помещении III-го мужского приходского училища. Праздник открылся в 1 час дня. Учениц на празднике было около 180, они были распределены на группы и поочередно смотрели в стереоскопах картины: виды Петербурга, Палестины. А младшие ученицы смотрели еще картины к сказке “Кот в сапогах”, при этом ученицам давались краткие объяснения картин. В стробоскопе ученицы с интересом смотрели картины юмористического содержания, но центром этих “диковинных штук” был фонограф, принадлежащий Василию Сергеевичу Мошкову. В фонографе ученицы прослушали: “Сяду я за стол да подумаю” (пение), арию Тореодора (музыка) и комический рассказ – сцена у мирового судьи». «Учительницы радушно угощали учениц чаем, орехами, а на прощание каждая ученица получила от учительниц пакет с пряниками и конфектами. Во время угощения ученицам играли на фисгармонии, под аккомпанемент

[6] *Лярский А.Н.* Календарь и гимназист: представления взрослых о повседневности детей (Россия кон. XIX – нач. XX в.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 1. С. 79–86.

[7] *Костюхина М.С.* Детский оракул. По страницам настольно-печатных книг. М., 2013. 656 с.

[8] *Костюхина М.С.* Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века. М., 2017. 377 с.

[9] *Кискидосова Т.А.* Праздничная культура городской семьи Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 94–98.

[10] *Яхно О.Н.* Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 73–84.

[11] *Андриец Г.А.* Повседневная и праздничная культура дальневосточных городов: сфера досуга (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (170). С. 114–124.

[12] *Маслова И.В.* Организация досуга и развлечений купечества уездных городов Вятской губернии в XIX – начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 62–71.

[13] *Кискидосова Т.А.* Праздничная культура городской семьи… С. 95.

которой ученицы пропели несколько русских песен. Праздник прошел оживленно, доставив ученицам радушное и приятное развлечение и закончившись лишь в 5 часов вечера»[14].

Воскресная женская школа была предназначена, главным образом, для взрослых женщин, «которым в детстве по разным причинам не пришлось научиться грамоте»[15]. Однако на обучение принимались и девочки-подростки не моложе 12 лет. Поскольку в такой школе воспитанницы были чрезвычайно разновозрастными, досуговые мероприятия должны были быть интересны для всех. Кроме того, раз основной заботой таких школ было повышение уровня грамотности низших и малообеспеченных социальных групп, то и досуг тоже должен был в какой-то мере способствовать решению этой задачи. Именно поэтому в данном случае рождественский праздник носил, скорее, образовательную функцию.

В епархиальном женском училище (современный учебный корпус Оренбургского государственного аграрного университета на ул. Челюскинцев, 18) елка состоялась 28 декабря 1898 г. Само училище на оренбургской «площади Безназвания» было открыто в 1889 г. Учебное заведение готовило педагогов для церковно-приходских и воскресных школ. После его окончания воспитанницы получали звание домашних учительниц с правом работы в начальных школах всех типов и в младших классах гимназий. Однако из-за отсутствия в программе епархиальных училищ танцев, рисования и новых языков их выпускниц неохотно нанимали в качестве домашних наставниц. Поэтому наиболее вероятным будущим «епархиалок» была служба учительницами в начальной или церковно-приходской школах. Данное обстоятельство накладывало весьма заметный отпечаток на весь характер новогоднего празднества. Будущие учительницы не могли позволить себе никаких «вольностей» даже в праздники, должны были приучаться вести себя скромно, в соответствии с самыми строгими моральными устоями.

Открылся праздник в 7 часов вечера. Как отмечала пресса, «редкий, годовой праздник прошел оживленно и весело. Воспитанницы перед нарядно убранной елкой произносили стихотворения, играли на рояли, а хор учениц исполнил стройно несколько номеров пения»[16]. Одна из воспитанниц прочла «грустное по своему содержанию» большое стихотворение “Учительница”, где в ярких красках изображается горькая участь учительницы-сироты, заброшенной в сельскую глушь и принужденной сеять разумное, доброе в жалкой обстановке помещения, среди народной темноты, невежества, убожества и бедноты […]. Прочувствованное художественное чтение этого стихотворения многих растрогало и вызвало слезы на глазах, нарисовав в представлении картину предстоящей жизни для некоторых питомиц заведения, как известно, прямо со скамьи идущих в сельскую школу»[17]. По мнению современников, исполнение музыкальных номеров, как отмечала в своей работе Г.А. Андриец, «развивая у детей эстетический вкус и облагораживая их молодые души, дает возможность даже детям внести свою лепту на алтарь отечества»[18].

«Гости награждали всех юных исполнительниц вполне заслуженными аплодисментами. Дети с неподдельным восторгом любовались ярко-освещенной елкой, вокруг которой ходили, взявшись за руки, оживленно и весело играли и танцевали»[19]. Первые три класса были отправлены в спальни в 11 часов вечера, остальные же танцевали далеко за полночь. Все воспитанницы получили по пакету лакомств, елочному украшению и игрушке[20].

Итак, как можно судить по тексту заметки, праздник был исключительно «девичьим», максимально целомудренным, пронизанным высокими идеалами служения. Мероприятие носило ярко выраженный воспитательный характер, формируя ценностные основы будущих представительниц системы российского образования.

[14] Оренбургская газета. 1898. № 550. 30 дек. С. 3.
[15] Оренбургская газета. 1898. № 458. 29 авг. С. 3.
[16] Оренбургская газета. 1898. № 550. 30 дек. С. 3.
[17] Оренбургская газета. 1899. № 555. 6 янв. С. 4.
[18] *Андриец Г.А.* Повседневная и праздничная культура дальневосточных городов… С. 116.
[19] Оренбургская газета. 1898. № 550. 30 декабря. С. 3.
[20] Оренбургская газета. 1899. № 555. 6 января. С. 4.

В качестве подтверждения данного вывода можно привести информацию из статьи А.Б. Лярского, в которой автор, исследуя календарь для школьников, издававшийся во второй половине XIX – начале XX в. в издательстве М.О. Вольфа, подчеркивает «предписанность» для учащихся определенных форм досуга. Им, в частности, рекомендовалось посещать библиотеки, музеи и картинные галереи в Санкт-Петербурге или Москве, собирать марки, коллекционировать минералы, бабочек или растения, содержать аквариумы или удить рыбу[21]. Игры и развлечения были «возможны, но не обязательны»[22]. Кроме того, любой досуг – «и посещение цирка, и чтение вслух, и катанье на лодке» – требовал обязательной воспитательной сентенции[23].

Другое образовательное учреждение – Николаевский женский институт – было открыто 6 декабря 1832 г. как «Оренбургский институт благородных девиц императора Николая I». Первоначально это было отделение Неплюевского военного училища «для воспитания девиц», но вскоре оно стало самостоятельным учебным заведением. Это было заведение закрытого типа, его воспитанницы жили в пансионате под строгим контролем. Основной корпус института с домовой церковью располагался в двухэтажном здании по улице Неплюевской (современная ул. Ленинская, 50).

Празднование юбилея оренбургского Николаевского института 20 декабря 1898 г. имело весьма обширную программу. Вначале была исполнена литургия, затем проведен общий молебен, а после перерыва на чай и кофе, а также «юбилейного акта» был организован бал для воспитанниц. Как сообщала одна из оренбургских газет, «фасад здания был богато иллюминирован и убраны были оба подъездные крыльца. Внутреннее убранство институтских помещений, обращенных в роскошные залы, декорированные тропическими растениями, гирляндами зелени и искусственных роз работы воспитанниц представляли красивое зрелище как днем во время акта, так особенно при электрическом освещении вечером. Весьма красива была входная лестница в убранстве прочими растениями и гирляндами, залитая сильным электрическим светом». Бал, по мнению официальной прессы, был «чрезвычайно оживленный и закончился роскошным ужином около 5 часов утра»[24].

На примере данного мероприятия можно увидеть, насколько организация досуга для детей аристократии отличалась от организации досуга для детей представителей средних и низших слоев населения. Празднование в Николаевском институте представляло собой торжество, которое несло, в первую очередь, коммуникативную и развлекательную функцию. Важной задачей также было развитие эстетических навыков, необходимых представительницам дворянского и купеческого сословий в будущей самостоятельной жизни.

Балы, танцы играли в это время весьма заметную роль в деле воспитания подрастающего поколения. Главный управляющий государственного коннозаводства по Тургайской области майор Иван Антонович Хантинский в одной из оренбургских газет в 1897 г. довольно детально повествовал о смысле и значении танцевального искусства[25]. Автор отмечал, что лет «тридцать тому назад в интеллигентном дворянском обществе танцы входили в курс воспитания юношества, на них смотрели как на искусство, равное музыке и поэзии. Поэтому неумение танцевать считалось в то время дурным тоном и без знания этого искусства невозможно было бывать в обществе». И.А. Хантинский настаивал на выводе о том, что польза танцев «в гигиеническом отношении, как виде гимнастики, и в эстетическом, как искусство пластическое, несомненна. Обучающийся танцам молодой человек в то же время подготовляет себя к жизни в светском обществе. Самая сухость учебного предмета и суровость деловой, как частной, так и общественной деятельности требуют освежения сил, а где лучше достигнуть этого, как не в светском обществе, за игривой болтовней с приятным

[21] *Лярский А.Н.* Календарь и гимназист… С. 82.
[22] Там же. С. 83.
[23] Там же. С. 86.
[24] Оренбургская газета. 1898. № 547. 22 декабря. С. 3.
[25] *Судоргина Т.В.* «Танцевальных вечеров было до сотни…» // Вечерний Оренбург. 2002. № 11. 13 марта.

собеседником, под звуки очаровательного котильона или в степенном контрдансе»[26]. Танцы развивали «салонное остроумие, умение сказать многое одним словом, умение поддержать отрывочный, минутный разговор, например, во время кадрили, лансье и котильона, при этом быть постоянно в курсе современных событий»[27].

Детские балы, подобные тому, что был устроен в Николаевском женском институте, стали в конце XIX в. очень распространенным вариантом детского досуга. Именно о таком бале писала А.Н. Анненская: «Бал удался, как нельзя лучше; сказать по правде, он шел совсем не так, как идут балы для взрослых; многие дамы бегали, вместо того чтобы танцовать, многие кавалеры ни за что не могли попасть в такт, приглашение на танцы часто выражалось просто дерганьем за руку или словами “давай-ка, пойдем!”, а в ответ нередко слышалось нелюбезное: “ну, с тобой не хочу, ты не умеешь!”; в кадрили фигуры часто путались, а во время вальса две пары столкнулись так, что обе полетели на пол; но все это не только не мешало удовольствию, а напротив, увеличивало его. Взрослые гости любовались веселостью детей и подсмеивались над чопорными четырнадцатилетними барышнями, гримасничавшими, чтобы походить на больших девиц, и над пятнадцатилетними франтами, старавшимися казаться разочарованными мужчинами»[28].

Аналогичный праздник был организован, например, 30 декабря 1873 г. в дворянском собрании Санкт-Петербурга. По словам автора заметки во «Всемирной иллюстрации», с раннего вечера «маленькие посетители в хорошеньких костюмах и с полными задатками того кокетства в прекрасной половине их, которое впоследствии неприминет развиться до весьма приличных размеров, стали съезжаться в сопровождении маменек, папенек, гувернеров, гувернанток и даже нянюшек. […] Внимательному глазу не трудно было проследить в подвижных и пестрых группах детей всевозможные градации любопытства, удовольствия, надежды, зависти и сомнений. Не менее характерны были и старшие […] сообщавшие друг другу более или менее верные замечания, похвалы и критики на тех или других из присутствовавших»[29].

В обоих цитируемых отрывках можно найти указания на то, что балы и танцевальные вечера для детей аристократии служили прекрасной возможностью вначале получить, а затем и «отработать» навыки будущего салонного поведения. В книге М. Костюхиной отмечалось, что «участники детских балов повторяли не только наряды, но и манеры взрослых, далеко небезупречные. Подобно своим матерям, дети сплетничали по поводу ровесников и их нарядов и вели себя при этом по-детски жестоко»[30].

Как отмечает в своей статье О.Н. Яхно, детские елки и праздники постепенно превратились в неотъемлемую часть городской жизни. Целью таких вечеров, помимо развлечения, «становился сбор материальной помощи особо нуждающимся детям. Подарком могли быть одежда, игрушки, книги»[31]. В Оренбурге примером такого мероприятия мог служить детский танцевальный вечер, устроенный 27 декабря 1898 г., «в общественном собрании в пользу недостаточных учениц женской гимназии». Праздник, по мнению прессы, «удался во всех отношениях. Детей и публики было очень много; среди детей было заметно полное оживление, чему немало способствовало электрическое освещение, бывшее для них новинкой. На вечер был устроен благотворительный базар с чаем и бутоньерками. Первые танцевали дети – до часу ночи…»[32].

Весенние досуговые мероприятия для детей были, чаще всего, связаны с Пасхальными празднествами. На Конно-Сенной площади (теперь место расположения Центрального рынка и ТК «Восход») в Пасхальную неделю устраивались качели, карусели, балаганы,

[26] Цит. по: *Судоргина Т.В.* «Танцевальных вечеров было до сотни…»
[27] Цит. по: Там же.
[28] *Анненская А.Н.* Младший брат // Анненская А.Н. Своим путем. Рассказы для детей старшего возраста. Издание третье. СПб., 1911. С. 7.
[29] Елка и бал в дворянском собрании С.-Петербурга // Всемирная иллюстрация. 1873. № 213. 27 янв.
[30] *Костюхина М.С.* Записки куклы… С. 142.
[31] *Яхно О.Н.* Досуг в провинциальном городе… С. 78.
[32] Оренбургская газета. 1898. № 549. 29 дек. С. 3.

живые картины, конный цирк и другие увеселения. В открытках, адресованных юной представительнице оренбургской купеческо-мещанской династии Дегтяревых (см. *рисунок*), читаем: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе! Дорогая Катя желаю тебе весело провести Пасху, а главное сходить под качели…»[33]; «Дорагая Катюша, Будь здорова и счаслива. Скоро пойдем в цирк или смотреть картины, что хочешь…» (сохранена орфография источника. – *Е. Б.)*[34]. Такие увеселения объединяли представителей различных городских сословий, были понятны и доступны горожанам различных возрастов и состояний.

Катюша (бабушка автора) и Николенька Дегтяревы. Ок. 1910. (Фото из личного архива автора).

Приезжал на Конно-Сенную площадь Оренбурга и передвижной зоопарк Франца Эйгуса. Устроен зверинец был в большом деревянном здании, в конце которого было отведено особое помещение для сцены и зрительного зала. В октябре 1898 г. в Оренбург привезли львов, медведей, слона, тигра, «тигровую кошку» (видимо, оцелота) и черную пантеру. Представление длилось более часа и смотрелось «без скуки». Кроме животных, в представлении участвовали «эквилибрист, жонглер, исполняющий свои номера на деревянном шаре, и мальчик гимнаст»[35].

«Оренбургская газета» за февраль 1899 г. сообщала, что в зверинце ежедневно можно наблюдать за укрощением львов. «Неустрашимый укротитель львов входит в клетку к взрослым львам и заставляет их покоряться его воле. В представлениях на сцене участвует эквилибрист японских упражнений г. Невский с сыновьями. Ежедневно два представления на сцене и укрощение в клетке в 6–8 часов вечера. В праздничные дни три представления в 4, 6 и 8 час. вечера. Кормление зверей в 7 час. вечера. Цена местам обыкновенная» – 1-е место стоило 40 коп., 2-е место – 20 коп. Дети до 10 лет платили половину стоимости[36].

Поход в зоопарк служил одновременно и образовательным целям (знакомил детей с обитателями дальних стран и континентов), и развлекательным. Цирковые же представления, в рамках которых артисты (иногда тоже дети) демонстрировали свои ловкость, силу, мужество, выносливость, упорство, преследовали также и воспитательные цели. Кроме того, цирковой жанр не требовал никакой серьезной подготовки к его восприятию, в силу чего мог быть доступен даже для самых юных горожан.

Лето в плане досуга было в Оренбурге временем, когда родители или воспитатели стремились провести с ребенком максимально много времени на свежем воздухе. Польза прогулок и ценность воздуха, не пронизанного вредными миазмами, как раз в это время была признана очевидной. Правда, условий для променада в городе до определенного момента практически не было. При нехватке воды в Оренбурге озеленение города проис-

[33] *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых как источник по семейной повседневности горожан // Человек и город в историко-культурном пространстве: краеведческие чтения, посв. 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева. Оренбург, 1 декабря 2017 г.: сб. ст. Оренбург, 2017. С. 50.

[34] *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Личная переписка… С. 50.

[35] Оренбургская газета. 1898. № 502. 28 окт. С. 3.

[36] Оренбургская газета. 1899. № 590. 18 февр. С. 4.

ходило с затруднениями, растения гибли в жарком климате. Первые скверы (Александровские) были разбиты в центре города только в 1863 г.

Оренбуржец, полковник Оренбургского казачьего войска Ф.И. Лобысевич в своем очерке писал: «Посредине города – площадь, имеющая фонтан, и по сторонам его, во всю площадь, – скверы, придающие и хороший вид, и пользу тенью, летом, хотя и небольшою, но все же служащею убежищем для детей, которые по примеру Летнего сада в Петербурге играют здесь целые дни…»[37] Постоянный автор публикаций в «Оренбургском листке», скрывающийся за подписью «Дядя Еремей», посвятил Александровскому скверу такие строки: «Лишь только душный день и жаркий // Сменит вечерняя заря, // Сюда идут гулять кухарки // И с ними франты-писаря. // Для деток служит сад забавой, // Как развлечения приют… // Я не пойму, зачем же, право, // Его “собачьим” здесь зовут»[38].

С появлением других парковых зон – бульвара на набережной р. Урал (Беловки), Тополевого сада – они тоже становились любимым местом летнего времяпрепровождения детей. Так, в июле 1898 г. в день тезоименитства императрицы Марии Федоровны на Беловке было устроено большое гуляние в пользу Оренбургского округа Императорского российского общества спасания на водах. Было устроено представление в «вокзале-ресторане» Белова, а вечером по бульвару прошло шествие Черномора. В шествии участвовали 40 детей в костюмах Черномора, Весны, Дедушки Мороза, ведьмы, лешего, бабочек, петушков, лягушек, зайчиков, скоморохов и пр. Во время шествия была устроена битва цветов, серпантина и конфетти. Цена за вход с включением благотворительного сбора составила 20 коп.[39]

Популярным видом отдыха горожан стали дачи, позволяющие на летние месяцы сбежать от зноя, пыли и смрада городских улиц поближе к природе. Туда, где запахи трав и цветов перебивали запахи цивилизации, почва лучше впитывала нечистоты, а близость реки или озера позволяла без проблем решать гигиенические проблемы.

Газеты того времени часто публиковали заметки о дачном отдыхе воспитанниц Николаевского института или детей, находящихся в приютах. Например, «Оренбургская газета» в июле 1898 г. писала о том, как дети из оренбургского Института императора Николая I совершили прогулку с дачи «Маяк» в село Покровку. С раннего утра в Покровку была отправлена телега с провизией, для девочек наняты были экипажи-долгуши, а для представителей администрации и гостей – две тройки. Процессия выехала в половине одиннадцатого утра. «Пыльную часть дороги до Покровского моста проехали в экипажах, затем дети вышли из долгуш и пешком отправились к месту назначения». Пешую прогулку с девочками совершила и начальница института княгиня Оболенская. Весь день воспитанницы провели на берегу реки Каргалки: «гуляли, играли и катались на лодке. Здесь же в лесу был предложен обед, чай и фрукты». В половине девятого вечера прогулка закончилась, и все в экипажах вернулись обратно на институтскую дачу, где детей ждал ужин[40].

Тогда же, в июле 1898 г., состоялся переезд на «маячную» дачу приюта для детей неимущих родителей. «Благодаря любезности городского головы и думы, – писала газета, – приюту предоставлено прекрасное помещение несданной в наем дачи в 8 комнат со всеми необходимыми хозяйственными приспособлениями. Благодаря любезности г. Графа (дачевладельца Маяка) приюту предоставлена возможность пользоваться его купальнями». По словам автора газетной заметки, дети были счастливы «побыть среди прекрасной природы “Маяка”». За месяц пребывания на природе воспитанники должны были «набраться сил на учебный зимний сезон»[41].

Подобные варианты досуга, в первую очередь, служили развлечением, однако приносили немалую пользу в плане оздоровления детского организма.

[37] *Лобысевич Ф.И.* Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб., 1878. С. 15.
[38] Оренбургский листок. 1889. 27 авг.
[39] Оренбургская газета. 1898. № 427. 21 июля. С. 1.
[40] *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Дачный отдых в Оренбургской губернии пореформенного периода [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2020. № 2 (34). С. 92.
[41] Там же. С. 92.

На рубеже XIX–XX вв. передовая общественность стала уделять важное внимание здоровому образу жизни и физическому воспитанию детей. Как отмечает в своей статье О.Н. Яхно, журналисты и публицисты того времени, опираясь на слова Кубертена, видели «причину превосходства нравственности английской молодежи над русской в любви к играм и спорту. […] Особо отмечалось, что регулярная физическая подготовка, начиная с 12-летнего возраста, делала “молодых людей хорошими, полезными и здоровыми гражданами”» и могла «развить в них понятие о дисциплине, самовоспитании и взаимной поддержке”»[42].

В конце XIX в. на берегу Урала в районе современных улиц 8 Марта, Челюскинцев и Красная площадь специально для прогулок с детьми был разбит парк под названием «Марсово поле». Для детей здесь ежегодно устраивались «различные игры (футбол, крокет, лаун-теннис, кегли и проч.) и развлечения: качели, карусели, пение, оркестр балалаечников и проч.»[43] Так, в одной из открыток, хранящихся в личном архиве автора, один из оренбургских мещан пишет своей маленькой дочке: «Христос Воскрес маленькая детка Катя. Попроси маму водить себя на Марсовое поле почаще и купить игрушек…»[44]

Подвижные игры для детей постепенно превращались из исключительно летних забав в круглогодичные. Так, Правление оренбургского Общества содействия физическому развитию детей зимой 1899 г. озаботилось устройством зимних детских развлечений. Была выработана программа детского праздника «с духовой музыкой, с катаньем на коньках и салазках и с другими подвижными играми»[45]. В феврале 1899 г. на берегу р. Урал за Преображенским собором тем же Обществом были устроены «прекрасный каток для конькобежцев и две снежных горы для катанья на салазках. Несмотря на довольно ветреные дни, […] и на 10 градусные морозы, катанья привлекли массу публики: за эти четыре [14, 21, 26 и 28 февраля] дня на площадке перебывало более 2000 человек… Оркестр духовой музыки каждый раз играл почти безостановочно с 1 часу до 5 часов дня; однако танцев на коньках, как публиковалось в афишах, не состоялось за недостатком мастеров этого дела; зато без коньков танцевали очень много. Прекрасным местом для танцев служил большой выставочный павильон, куда переводима была с катка и музыка. Устраивалась гонка на коньках и бросанье мячами в цель, при чем роздана была детям в качестве призов 100 шт. апельсинов»[46].

Подобные развлечения преследовали, в первую очередь, задачи физического развития детей. Приученные к подвижным играм, занимающиеся спортом дети впоследствии, уже будучи взрослыми, должны были передать эти традиции здорового образа жизни своим детям, тем самым оздоравливая население в целом.

Все перечисленные выше варианты детской досуговой повседневности были характерны все же, в большей степени, для высших и средних городских слоев, обладающих грамотностью, хотя бы относительно широким кругозором, достаточным объемом свободного времени и свободных средств. Низшие городские слои, как правило, не имели возможности специально организовывать досуг своих детей как по недостатку для этого денег, так и по ограниченности времени для праздности.

Писатель С.И. Гусев-Оренбургский в повести «Страна отцов», описывая «Заречье» – промышленную часть Старомирска-Оренбурга – констатировал: «На его улицах, непроходимых осенью, пыльных в зной, с звонким криком играют оборванные дети, – будущие рабочие на заводах и фабриках. Улица – их школа, потому что только счастливцы из них попадают в городское зареченское училище имени губернатора Безака, того Безака, который когда-то выразился: “дети бедняков должны учиться труду и только труду!” […] Вырастая,

[42] *Яхно О.Н.* Досуг в провинциальном городе… С. 75.
[43] *Райский П.Д.* Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000. С. 169.
[44] *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых… С. 45.
[45] Оренбургская газета. 1899. № 585. 12 февр. С. 3.
[46] Оренбургская газета. 1899. № 599. 3 марта. С. 2.

эти забытые дети ходят по улицам с гармониками, поют разухабистые и циничные песни, заводят драки с истощенными женами…»[47]

Незатейливым развлечением детей городской бедноты была покупка сладостей. «Оренбургская газета», однако, предупреждала горожан о том, «что на улицах Оренбурга “татары-кондитеры” продолжают торговлю своими изделиями, окрашенными в разные цвета фуксином». Сразу заметим, что фуксин ($C_{20}H_{20}N_3Cl$) представлял собой синтетический краситель, канцероген и яд. Далее газета сетовала, что около таких “кондитеров” постоянно крутится «кучка детей, раскупающих дешевые, но безусловно вредные лакомства»[48].

Таким образом, можно предположить, что досуг детей городской бедноты нес в себе потенциал, совершенно противоположный тому, что заключался в досуговых мероприятиях для детей высших и средних городских сословий. Образовательная его составляющая заключалась лишь в знакомстве с суровыми реалиями обыденной жизни, воспитательная – в выработке специфических (субкультурных) этикетных качеств, необходимых для жизни «на улице». Коммуникативные навыки, формирующиеся в рамках такой досуговой повседневности, могли пригодиться лишь в ситуации коммуницирования с себе подобными. Развивать ребенка этот досуг, по большому счету, мог только физически. Однако совершенно свободное времяпрепровождение могло быть опасным для ребенка – драки, прогулки без присмотра, покупка вредных лакомств могли окончиться бедой.

В целом следует констатировать, что в пореформенную эпоху, как в столицах, так и в провинции, детский досуг высших и средних городских слоев носил регламентированный характер. Дети с самого юного возраста через различные досуговые мероприятия усваивали предписываемые им социальные нормы – представления о морали, этикетное поведение. Чем выше был социальный слой, к которому принадлежал ребенок, тем меньше развлекательности было в реализации его свободного времени. Воспитательная функция детского досуга была превалирующей в самых разных его формах.

Литература

Андриец Г.А. Повседневная и праздничная культура дальневосточных городов: сфера досуга (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (170). С. 114–124.

Анненская А.Н. Младший брат // Анненская А.Н. Своим путем. Рассказы для детей старшаго возраста. Издание третье. СПб.: [б.и.], 1911. С. 1–85.

Ариарский М.А. Культура досуга как предмет педагогики и прикладной культурологии // Педагогические и рекреационные технологии в современной индустрии досуга: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Киев, 4–6 июня 2004 г.). URL: http://tourlib.net/statti_tourism/ariarskij.htm (дата обращения: 10.12.2020).

Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Дачный отдых в Оренбургской губернии пореформенного периода [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2020. № 2 (34). С. 84–97. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/8_34_2020.pdf. doi: 10.32516/2303-9922.2020.34.8.

Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Личная переписка представителей семейства Дегтяревых-Сухановых как источник по семейной повседневности горожан // Человек и город в историко-культурном пространстве: краеведческие чтения, посв. 90-летию со дня рождения почетного гражданина города Оренбурга Виктора Васильевича Дорофеева. Оренбург, 1 декабря 2017 г.: сб. ст. Оренбург, 2017. С. 39–52.

Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов // Сборник товарищества «Знание». СПб., 1905. Кн. 4. С. 75–294.

[47] *Гусев-Оренбургский С.И.* Страна отцов // Сборник товарищества «Знание». СПб., 1905. Кн. 4. С. 120–121.
[48] Оренбургская газета. 1898. № 417. 9 июля. С. 3.

Кискидосова Т.А. Праздничная культура городской семьи Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 94–98.

Колосова И.И., Губина О.В. Вклад томского купечества в развитие общественных пространств для досуга детей // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: матлы третьей Всерос. науч. конф. Томск, 2019. С. 70–79.

Костюхина М.С. Детский оракул. По страницам настольно-печатных книг. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 656 с.

Костюхина М.С. Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 377 с.

Крулехт М.В. Педагогический потенциал детского досуга в воспитании человека культуры // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 289–294.

Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К. Культурно-образовательный статус детства // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 59–65.

Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.

Лярский А.Н. Календарь и гимназист: представления взрослых о повседневности детей (Россия кон. XIX – нач. XX вв.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 1. С. 79–86.

Маслова И.В. Организация досуга и развлечений купечества уездных городов Вятской губернии в XIX – начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 62–71.

Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2000. 176 с.

Судоргина Т.В. «Танцевальных вечеров было до сотни…» // Вечерний Оренбург. 2002. № 11. 13 марта.

Яхно О.Н. Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 73–84.

References

Andriets, G.A. (2013). Povsednevnaya i prazdnichnaya kul’tura dal’nevostochnykh gorodov: sfera dosuga (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Daily and Festive Culture of the Far Eastern Cities: the Sphere of Leisure (second half of the 19th – early 20th centuries)]. In *Vestnik Dal’nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 4 (170), pp. 114–124.

Annenskaya, A.N. (1911). Mladshiy brat [Younger Brother]. In Annenskaya, A.N. *Svoim putyom. Rasskazy dlya detey starshego vozrasta. Izdanie tret’e* [In My Own Way. Stories for Elder Children. Third edition]. St. Petersburg, pp. 1–85.

Ariarskiy, M.A. (Ed.). (2004). Kul’tura dosuga kak predmet pedagogiki i prikladnoy kul’turologii [Leisure Culture as a Subject of Pedagogy and Applied Cultural Studies]. In *Pedagogicheskiye i rekreatsionnye tekhnologii v sovremennoy industrii dosuga* [Pedagogical and recreational technologies in the modern leisure industry]. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/ariarskij.htm (date of access: 10.12.2020).

Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2020). Dachnyy otdykh v Orenburgskoy gubernii poreformennogo perioda [Country Rest in the Orenburg Province During the Post-Reform Period]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 2 (34), pp. 84–97. URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/8_34_2020.pdf. Doi: 10.32516/2303-9922.2020.34.8.

Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2017). Lichnaya perepiska predstaviteley semeystva Degtyarevykh-Sukhanovykh kak istochnik po semeynoy povsednevnosti gorozhan [Personal Correspondence of Representatives of the Degtyarev-Sukhanov Family as a Source on the Family Everyday Life of the Townspeople]. In *Chelovek i gorod v istoriko-kul’turnom prostranstve.*

Kraevedcheskiye chteniya, posvyashchennye 90-letiyu so dnya rozhdeniya pochetnogo grazhdanina goroda Orenburga Viktora Vasil'evicha Dorofeeva. Orenburg, OGPU, pp. 39–52.

Gusev-Orenburgskiy, S.I. (1905). *Strana ottsov* [Country of Fathers]. In *Sbornik tovarishchestva "Znanie"*. St. Petersburg, B. 4, pp. 75–294.

Kiskidosova, T.A. (2017). Prazdnichnaya kul'tura gorodskoy sem'i Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Festive Culture of the Urban Family of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 416, pp. 94–98.

Kolosova, I.I., Gubina, O.V. (2019). Vklad tomskogo kupechestva v razvitie obshchestvennykh prostranstv dlya dosuga detey [The Contribution of the Tomsk Merchants to the Development of Public Spaces for Children's Leisure]. In *Sibirskoye kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie.* Tomsk, pp. 70–79.

Kostyukhina, M.S. (2013). *Detskiy orakul. Po stranitsam nastol'no-pechatnykh knig* [Children's Oracle. Through the Pages of Desktop Printed Books]. Moscow, NLO. 656 p.

Kostyukhina, M.S. (2017). *Zapiski kukly. Modnoye vospitaniye v literature dlya devits kontsa XVIII – nachala XX veka* [Doll Scrapbook. Fashionable Education in Literature for Girls of the Late 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, NLO. 377 p.

Krulekht, M.V. (2012). Pedagogicheskiy potentsial detskogo dosuga v vospitanii cheloveka kul'tury [Pedagogical Potential of Children's Leisure in the Education of a Person of Culture]. In *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye.* No. 4, pp. 289–294.

Kudryavtsev, V.T., Urazalieva, G.K. (2000). Kul'turno-obrazovatel'nyy status detstva [Cultural and Educational Status of Childhood]. In *Sotsiologicheskiye issledovaniya.* No. 4, pp. 59–65.

Lobysevich, F.I. (1878). *Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskiy ocherk* [The City of Orenburg: a Historical and Statistical Essay]. St. Petersburg. 60 p.

Lyarskiy, A.N. (2007). Kalendar' i gimnazist: predstavleniya vzroslykh o povsednevnosti detey (Rossiya kon. XIX – nach. XX v.) [Almanac and a Gymnasium Student: Ideas of Adults about the Everyday Life of Children (Russia at the End of the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. No. 1, pp. 79–86.

Maslova, I.V. (2010). Organizatsyya dosuga i razvlecheniy kupechestva uyezdnykh gorodov Vyatskoy gubernii v XIX – nachale XX veka [Organization of Leisure and Entertainment of the Merchants of the District Towns of the Vyatka Province in the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. No. 124, pp. 62–71.

Rayskiy, P.D. (2000). *Putevoditel' po gorodu Orenburgu* [A Guide around the City of Orenburg]. Orenburg, Orenburg book publishing house. 176 p.

Sudorgina, T.V. (2002). "Tantseval'nykh vecherov bylo do sotni…" ["There Were up to a Hundred Dance Parties]. In *Vecherniy Orenburg.* No. 11. 13 marta.

Yakhno, O.N. (2019). Dosug v provintsial'nom gorode nachala XX veka: novyye formy organizatsii [Leisure in a Provincial City of the Early 20th Century: New Forms of Organization]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 1 (18), pp. 73–84.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020 г.